

ПРОЛОГ

Старый лев с уже седой мордой лежал на вершине холма и смотрел вниз, на лагерь двуногих. Солнце поднялось уже достаточно высоко для того, чтобы даже он уже несколько подслеповатыми глазами различал их отчетливо. Учуять его двуногие не могли — ветер был с их стороны, увидеть — тоже вряд ли, потому он спокойно выбирал себе добычу. Вообще-то никогда раньше бы старый большой кот не подумал нападать на двуногих — опасных и коварных противников, но позавчера их прайд фактически уничтожила огромная, злющая, линяющая змея. Несколько секунд — и три взрослых сильных кота и пять кошек были убиты ею. Осталось пять котят, из взрослых — он и две старые самки.

Тут кот насторожился. От лагеря вышел одинокий двуногий и неторопливо пошел в сторону небольшой речушки, помахивая длинной палкой. Видимо, захотел рыбки. Кот тоже любил, когда было настроение, иногда половить рыбу на перекатах, и еще больше любил ее есть. Но сейчас ему нужна была добыча побольше, чтобы уцелел его клан. И он мягко, бесшумно встал и повернулся было в сторону двуногого, когда сильнейший удар в лопатку бросил его на землю. С соседнего холма донесся грохот. Кот попытался вскочить, но задние лапы не послушались. Кот прополз пару шагов, кашлянул кровью и почувствовал, как кто-то непреодолимо

тащит его за собой. Примерно так же, как давным-давно мать таскала его за загривок.

Старый кот пару раз скребнул землю мощными когтями передних лап и затих. А на соседнем холме встали двое — здоровенный пузатый мужик и молодой парень, поднявший с земли тяжелую винтовку.

— Отличный выстрел, Том. Теперь бы надо пройти по его следам и найти котят. В Зионе найдутся люди, способные отвалить кучу бабок за таких зверят. Зови парней, пусть с собаками идут сюда. Жаль, Саккет отказался, но у него на уме только его баба... — Толстяк поправил ремень с тяжеленным револьвером в кобуре и поднял свою FN-FAL с расстеленной на земле накладки.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

27 год, 5 месяц, 40 число, воскресенье, 07:50.

«Конец путей», к востоку от Форта Ли

— Лень, ты как обычно, к мадам Эльзе? — С соседней койки на крупного, аккуратно выбритого и причесанного блондинистого парня лет двадцати пяти в выгоревшей, но чистой рубашке, бывшей когда-то зеленой в мелкую серую клетку, потертых джинсах и высоких ботинках, сонно поглядел Ромка Климов. Зевнул, обдав его «выхлопом» после вчерашнего. — Неинтересный ты мужик: пьешь мало, к шалавам ходишь по расписанию... Не русский, а немчура похлеще Генриха, тот хоть за воротник заложить не промах. — Ромка сел, спустив почти до пола волосатые ноги, почесал грудь. — Будь добр, подай водички, трубы горят.

— Держи, страдалец. Сколько раз тебе говорил — не стоит мешать виски, водку и пиво! — Названный Леонидом зачерпнул из желтого пластикового ведра кружку воды, протянул ее соседу. — Смотри, сильно не похмеляйся, бригадир тебя на карандаше держит. — Ромка благодарно кивнул и крупными глотками осушил помятую эмалированную кружку. Остальные мужики еще дрыхли, оглашая пространство разнообразными руладами храпа.

— Не знаешь, кто стрелял? — возвращая кружку Леньке, спросил Климов.

— Вроде как охотники льва убили, какого-то рыбака скрадывал. А потом толпой, с собаками и плясками, по следам льва ушли, тейп его дербанить. Ладно, Ром, я пошел. — Парень взял с койки свою винтовку, набросил на плечо разгрузку и вышел из палатки. Отряхнув, надел на голову кепку. Поглядел на сонный лагерь «Конца путей», усмехнулся. Хорошо вчера работнички погудели. Пять с лишним сотен здоровых мужиков после недели тяжелой работы (да еще и субботу до обеда прихватили) отрываются совсем не по-детски. Ладно хоть главный босс — мистер Перкинс — своей волей разделил девок в публичном доме на три этапа пользования. Часть мужиков отдыхают там во вторник, еще часть — в четверг, в основном из числа водил грузовиков и персонала лагеря. А вот парни, работающие на удаленных участках, пользуют девиц в воскресенье, а то пятьсот мужиков единомоментно стерли бы полсотни проституток до простыней. И вообще, такое из-за девок могло случиться, что мало никому бы не показалось. Замаялись бы вагоны по степи собирать. И то удивительно, что ни одного случая с оружием не было, хотя вооружены все поголовно; правда, мордобоев тут хватает. Слишком места пока здесь дикие, в шести сотнях километров на восток от Форта Ли: Южная дорога проходит по берегу Залива, а компания строит «железку» здесь. И вокруг путей и строящих их рабочих и инженеров на три сотни верст вряд ли еще люди найдутся, кроме как вдоль нитки железной дороги, да и тех очень немного, в основном дежурные в парках тяжелой техники.

При воспоминании о мордобитии Леонид Панфилов поморщился и потер левую скулу. Вторая неделя пошла, а синяк еще не сошел. Хорошо ему Майкл Хиггинс приложил, говорить нечего. Впрочем, у его противника тоже на зуб меньше стало. И чего они поспорили, не помнят ни Леонид, ни Майкл. И слава богу,

что оба сдержались, а то так легко вряд ли отделались бы. Майкл-то — «маринз» бывший американский, а Леонид срочку в частях охраны РВСН оттянул, тоже еще та контора. Так что Панфилов подбросил на плече свою АВТ-40 и пошел вдоль длинного ряда тяжелых самосвалов к десятку вагонов в тупике.

— Доброе утро, мадам. Не знаете, кто из «моих» девочек свободен? — поднявшись по ступеням в прохладный кондиционированный тамбур, поинтересовался Леонид у высокой темноволосой и синеглазой женщины лет тридцати пяти, сидящей за откидным столом. Хозяйка этого борделя передвижного, мадам Эльза. Очень красивая, холодная как лед, постоянно одета в глухие платья темных тонов, не обращая ни малейшего внимания на здешнюю жару и палящее солнце.

— Мари и Клер заняты, из «твоих» девочек свободна Любка. Как обычно, три часа? С тебя шестьдесят экю. — Женщина коротко взглянула на него огромными своими глазищами. Ух, аж мороз по коже у парня пробежал: как будто ведьма глянула...

— Держите. — Он протянул три пластиковые карточки по двадцатке.

— Проходи. — Мадам откинула турникет, протянула номерок с указанным временем. — Любке скажешь, что я ее приму через полчаса после того, как закончит обслуживать тебя. Где ее номер, ты знаешь.

— Хорошо, мадам Эльза. — Парень кивнул, прошел мимо нее в коридор вагона. Поздоровался с сонным вышибалой и двинулся во второй вагон.

Из-за закрытых дверей доносились глухой смех, приглушенные стоны и охи — короче, все то, что и должно доноситься из-за дверей номеров публичного дома. Сказал бы ему кто-нибудь месяца четыре назад, что он платить будет за перепих и покупать себе девушек на ночь, Леонид бы посмеялся. Еще как бы посмеялся! Все-таки один из первых парней на деревне был,

завидный жених. Но то уже в Лету кануло, а здесь других женщин нет на хрен знает сколько миль вокруг, в километрах это еще больше, и подержаться за сиськи порой просто ужас как охота. Так что Леонид понемногу втянулся, хотя сначала как-то не по себе было.

— Любка, ты одна? — Ленька постучал в дверь купе. Мало ли — хоть Эльза учет и ведет, но может быть всякое...

— Одна, одна; заходи, — открыла ему дверь сонная хохлушка. Зевая, повернулась к Леониду спиной и по-рулила к широкой кровати. — Ты давай, разоблачайся покамест.

— Угу, — ответил он, ставя свою винтовку в маленькую пирамиду рядом с АКСУ Любки, одним глазом кося на круглый зад девушки, обрисованный шелковым халатом. — Опять всю ноченьку пахала?

— Почти всю, но это не твое дело, — отрезала Любка, снимая с себя халат. Легла на спину, закинув ногу на ногу, и с интересом смотрела на парня, прыгающего на одной ноге в одном ботинке и спущенных джинсах. Блин, поторопился он с ботинками, теперь никак шнурок не распутает.

— Ты так долго, мой рыцарь... — пропела Любка, начиная хихикать, — смотри, копье опадет.

Рявкнув от злости, Леонид распорол выкидным ножом шнурок, швырнул ботинок в угол, рывком стянул брюки и скакнул к кровати. Схватил девушку за плечи, перебросив ее головой к середине кровати так, что ее шикарные русые волосы живописно рассыпались по плечам и простыне, закинул ее ноги себе на плечи...

— Люб, ты чего такая задумчивая? — спросил довольно лежащий на животе парень девушку, которая массировала ему широкую спину после постельных баталий. — Обычно найдешь, чем подначить.

— Знаешь, меня замуж зовут, — ответила она, немного помолчав.

— И кто это? — Перевернувшись, он подтянул ее за руку к себе и стал ласкать ее нежные и тяжелые груди. Красивая девка Любка, и все у нее на месте. А у него еще минут тридцать осталось, нужно их использовать.

— Сэмюэль Саккет, охотник. Знаешь его, он дичину добывает для компаний?

— Сэма? Знаю, здоровый такой молчаливый мужик, у него еще усы, как подкова. Он частенько у нас в карьере ночует. Неплохой вроде мужик, спокойный как танк, посмеяться не дурак, и я не видел, чтобы он своих собак пнул или еще как обидел. Только он же тебя старше лет на пятнадцать, ему точно сороковник есть... — Леонид ухватил девушку вместо сисек за талию, приподнял и опустил ее на себя. — Давай, Люб, обзывала меня жеребцом, будь наездницей. Слушай, Люб, интересно: у меня же ладони в мозолях, как наждачка, а ты ни разу не пожаловалась, что я тебя за сиську не так цапнул или еще что... Моя прошлая постоянно ныла.

— Лен, мне уже двадцать восемь. Такие молодые парни, как ты, меня пользуют, но никто в жены брать не хочет. А Сэм добрый. И ты тоже добрый, поэтому ты даже такими грубыми ладонями ласкаешь, а не тискаешь. — И Любка начала раскачиваться на нем, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее...

— Ты вот что хочешь? — выгоня парня из тесного душа, спросила девушка. — Где жить, с кем жить?

— Ну мне пока и так интересно, я здесь всего третий месяц. Еще серьезно не задумывался, — вытираясь широким полотенцем, ответил Леонид. — В Русской Республике, наверное, осяду, только нужно узнать про нее побольше. Не знаешь, кто может рассказать? — Он глянул в душевую и едва увернулся от мочалки.

— Не лезь, твое время вышло. Меня ведь Эльза для чего звала: Сэм к ней подходил. Похоже, Лен, ты последний парень из карьеры Любки-шлюхи. — Люба вы-

шла из душа в распахнутом халатике, потянулась: — Хороша?

— Хороша! — честно ответил Ленька, любуясь красивым женским телом.

— Вот и ладно, пусть я такой моему мужу и достанусь, — посерьезнела девушка. Зашла за ширму, кинула на нее халатик и начала переодеваться. — Лен, у меня ведь дочь в Старом мире осталась, когда меня сюда с Тверской выловили. Я потом через Орден связалась, деньги перевожу постоянно, но куда мне их тянуть, с моей мамой вместе? Чтобы они узнали, что я проститутка? Три с лишним здешних года уже сердце себе рву. Дочка в школу без меня пошла. А Сэм обещает мне, что мы переедем на новые земли, на север. Туда, где Форт Росс недавно русские отстроили. Построим ферму, выпишем моих дочку и маму. Меня там вряд ли кто знает вообще, а через пяток лет и забудут, что такая Любка работала в Форте Ли и его окрестностях. Пошли? — Любка, одетая в серые джинсы и серую же маечку, вышла из-за ширмы и стала выталкивать клиента из своего купе. — Да, насчет Русской Республики — зайди к Джессике в интернет-кафе и поищи в сети сайты из Москвы, Новой Одессы и Демидовска.

— Спасибо за совет, я и не знал, что здесь Интернет уже есть. На базе мне сказали, что пока его нет на Новой Земле, — забирая винтовку из пирамиды, сказал Леонид. Взял разгрузку, повесил ее на одно плечо. Нагнувшись, поднял выкидуху, сложил ее и положил в задний карман джинсов.

— На базах, может, и нет, а у нас есть. Везде, где «железку» проложили, оптику бросили. Так что Русская Республика, Республика Техас, Конфедерация связаны внутренней сетью... Ой, ты бы свой дрын поменял, что ли? — Любка недовольно потерла локоть, случайно задев его винтовку.

— Она меня вполне устраивает, — усмехнулся Пан-

филов, выходя в тамбур. — До свидания, мадам Эльза. Люб, спасибо. — И спрыгнул на крупную гальку. Огляделся, шурясь от солнца, поправил кепку-восьмиклинку и пошел к палатке в другом конце лагеря. Жарко уже, скоро пекло начнется.

Уже через сорок минут Леонид сидел за монитором компьютера и читал найденную в сети информацию от правительства Русской Республики:

«Так, в двадцать втором году — зачистка Диких Островов, присоединение их к ПРА, основание там Кубинской автономной области. В двадцать четвертом — сначала референдум по обеим русским землям, потом Договор о объединении. Выборы Президента... ну понятно, конечно, Аверьянов, кто же еще. Сколько же ему лет уже? Образование Русской Республики из Московской, Новоодесской, Демидовской, Береговой, Базовой и автономной Диких Островов областей. А про Кубинскую автономию — ни слова, что так? Решили не создавать себе в будущем проблемы? Правительство, тра-та-та, министр обороны, министр внутренних дел Коршунов, и так далее. Столица в Москве; ну, это я и так знаю. В двадцать пятом, вместе с Бразилией — очистка от пиратов западного побережья перешейка, основание там Загорской области. В двадцать пятом же году, в десятом месяце — серьезный вооруженный конфликт с Имаматом.

Так... наличие у бандитов ПЗРК позволило им на какое-то время остановить русское наступление. Авиация РР потеряла только сбитыми пять «Тукано» и три Ми-24. Часть машин была серьезно повреждена зенитным огнем. Только внимательное отношение к налаживанию собственного производства позволило РР нанести поражение бандформированиям. Пятьдесят самолетов Су-2, изготовленных по заказу РА на «Ремавиастрое», точнее — умелое их применение командованием, и беспримерная храбрость пилотов, впрочем,

как и любого бойца Русской Армии и добровольческих корпусов, пришедших на помощь русским из Техаса, Конфедерации и Бразилии, стали основой уничтожения наркодельцов и рабовладельцев в дельте Амазонки. О как!» — Леонид потянулся на скрипучем стуле. Поглядел на пустую кружку, сходил и набрал еще кипятка в кулере. Бросил в кружку пакетик чая и поставил на специальную полочку сбоку от компьютера. Видимо, специально сделали, чтобы на технику не пролить. — «Так, что там дальше? Ага, была подготовка своих летных кадров, целая летная школа организована. Ну еще бы — полк штурмовиков мало наклепать, на них еще летать нужно. Гренадеры и егеря добивали остатки рассеянных банд, а потом на перевале авиация навернула «вакуумной» бомбой, уничтожив скопление войск и частично разрушив перевал. Сурово! Организация форта перед перевалом, надо же, Грозным обозвали. Переговоры в Кейптауне, признание установленных границ, мирный договор и обязательства ненападения. Так, в двадцать шестом году — начало освоения «северных территорий», построен Форт Росс на западном побережье материка. Ого, на тысячу километров севернее, чем Рио, широко размахнулись. Вот куда Любка собралась... — Он открыл спойлер с фотографиями и видеороликами тех мест. — Красиво, итить. А чем другие заняты? Где тут Конфедерация?»

Около часа парень лазил в Сети, находя и скачивая информацию себе на флешку. Промышленность разных регионов, сельское хозяйство, дороги, реки. Смотрел температурные режимы зимой и летом; оказалось, что наиболее интересный климат как раз на «северных территориях» Русской Республики. Летом около тридцати пяти тепла, зимой — пять-шесть градусов мороза. Зима там короткая и очень снежная, как раз в здешний сезон дождей уместается от начала и до конца. Интересно, интересно...

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Лень, вот ты где! — рядом плюхнулся Ромка. — Тебя наш прораб ищет, велел передать, чтобы ты в пятнадцатый час подошел в контору. Ясно?

— Да понял я... — Отмахнувшись, Леонид выключил комп и положил флешку в карман. Потом на ноутбуке просмотрит внимательнее. — Обедать пойдешь? Я уже жрать хочу!

Парни вышли из полутемной палатки, какое-то время шурились, давая глазам привыкнуть к яркому свету.

— Куда идем? В столовку или в салун? — спросил Ромка.

— Я бы с удовольствием — в салун, но он тебе противопоказан сегодня. Отгонять тебя от стойки со спиртным я не намерен. Пошли в столовку, бобов поедим. — И они потопали к длинному навесу, возле которого дымилась полевая кухня. Большая и толстая негритянка помешивала в котле здоровенной поварешкой.

— Доброго дня вам, мэ, — уважительно поздоровался Леонид с толстухой, — как насчет поесть?

— Садитесь, бездельники. Нормальные мужчины заводят себе жен, любовниц и едят у них. Или идут обедать в салун, а такие, как вы, готовы на все, чтобы заставить старую Сару работать по воскресеньям. Держите! — И перед ними брякнулись две глубокие миски, доверху наполненные тушеными бобами с антилопятиной. Рядом легла доска с серым хлебом. — Потом миски бросите в мойку, ясно? А я пока пойду послушаю музыку. — И повариха ушла в дальний конец навеса, где стояло внушительное кресло-качалка. Вскоре откуда донесся бубнящий голос и бухающие басы.

Повесив автоматы на крюки, вбитые в столб, они помыли руки под умывальником и принялись за еду. Точнее, повесили Ромкин АКМ и Ленькину АВТ, которая хоть и может стрелять очередями, но называется ав-

томатической винтовкой. Так что он ее то автоматом, то винтовкой называет. Ладно хоть она сама на это не обижается и исправно стреляет во все то, во что он хочет попасть.

— Достала, тварь! — Ромка ложкой попытался прогнать надоедливую местную муху. — Пристрелить бы тебя!

— Какие проблемы, Ром? Поймай муху, приклей ее скотчем в центр мишени, отнеси за лагерь и шмаляй, пока ствол не покраснеет. — Ленька облизнул ложку, поднялся, достав кофейник. Налил себе еще остывшего кофе. Каша замечательная, а вот кофе — перестоявший. — Мне в бакалею надо, патронов купить. Зайдешь?

— Не, я, как ты, по две-три сотни за неделю на пострелушки не трачу, — махнул рукой бульдозерист. — Это ты от здешних заразился, а мне хватает того, что в корову могу попасть со ста метров. Я лучше схожу в картишки переброшусь, пивка холодного поппю. — В одной из палаток был организован клуб картежников. Мужики молча сидели, глядели в свои карты, двигали цветные фишки.

— Не понимаю я прикола в покере, то ли дело — «подкидной». Тем более что ставки мизерные, полный запрет на ставку свыше экю. — Леонид усмехнулся и стал намазывать кус хлеба арахисовым маслом из большой банки, стоявшей посреди стола.

— Смотри, Сэм вроде как Любку увозит? Куда это они намылились? — Климов привстал, чтобы лучше разглядеть.

Точно: охотник забрасывал чемоданы в свой грузовичок, а Любка стояла рядом. Возле ее ног лежала пара здоровых псов с длинными ушами и грустными взглядами. Леонид первый раз ее в простом платье увидел: очень аккуратная и хорошенькая девушка получилась. Ну и удачи им.

— Любка за Сэма замуж идет, а уезжают потому, что до сезона дождей им осесть нужно. Не так много времени осталось, верно?

— Ну, еще четыре месяца, но ты прав — на «осесть» нужно много времени. Не жаль, Лень? Красивая ведь девка? — Ромка с усмешкой глянул на товарища.

— Нет. Любка на самом деле красивая девка, но мне в борделе девчонок хватит до конца сезона. А там видно будет. Так что — счастья им и удачи. — Леонид взял миску, бросил ее в глубокую мойку из нержавеющей стали, где под тряпкой лежала гора таких же. Куда-то китаец-посудомойщик запропастился...

Идя в бакалею, он в который раз удивился про себя тому, что все мужики носят при себе длинные стволы. Ну никак за время жизни здесь не привыкнет. Ладно — пистолеты таскать, но хозяева обязали всех мужиков постоянно носить винтовки и автоматы. С одной стороны, самодурство, а с другой — ну кто в здравом уме нападет на лагерь, где в любое время минимум триста вооруженных мужиков? Да от той глупой гиены, которую нелегкая вынесла к лагерю в прошлую субботу, осталась горстка обглоданных костей. Разнесли ее в клочья из полусотни автоматов. Так что Спилберг со своим «Парком юрского периода» ошибается, самый страшный зверь — человек. По рассказам старожил, местных зверюг стало на порядок меньше, и то в основном небольшие антилопы остаются. Всех опасных зверей вокруг людских поселений постепенно выбивают. Стараются в основном фермеры и ранчеры, но и охотники из соседних городов не отстают. Уже сейчас за крупными гиенами мужикам (и женщинам, среди них тоже есть напрочь отмороженные) приходится уезжать за пару сотен километров от Форта Ли, например. Рогачи остаются в небольших удаленных долинах, где они никому не мешают, особенно тем же фермерам. Появление же стада возле фермы означает его полное ист-

ребление. Вытоптаннные и потравленные посевы здешним крестьянам совсем не по нраву.

Так, в раздумьях, Леонид дошел до передвижной лавки, сделанной из вагона и закаченной на пару рельсов. Под навесом на грубой скамье сидели три девицы из офисного состава (на удивление маленький состав, всего два вагона: в одном главный босс сидит, в другом — службы) и рассматривали журналы. Видимо, автомотриса утром привезла. Интересно: обычно почту в понедельник привозят... Навороченные винтовки девушек прислонены к скамье. Любит здешний люд из оружия мегабластеры делать. Панфилову оружейник тоже предлагал на его «токаревку» тактические приклад, квадрейл и прочая. А на кой ляд ему это? Леониду ведь на технике работать, с железом. Деревяху если поцарапает, то и не жалко. А все эти навороты денег стоят.

— Привет, девчонки, — по-англицки обратился он к ним. Шпрехает, точнее — спикает он на нем не очень хорошо, но нахватался за последние месяцы до такой степени, что понимает практически все и могёт медленно, когда коряво, а когда и почти правильно ответить. Все же здесь в основном американцы и австралийцы работают, хотя и немцы есть, и испанцы. Даже парочка иранцев работает. А вот китаец только один, посуду моет. Даже странно как-то.

Девчонки приветливо помахали руками и снова уткнулись в свои журналы. Хорошенькие девочки, жаль, что они все заняты. Впрочем, он в «Конце путей» появляется раз в неделю, да и неконкурентоспособен по сравнению с их бойфрендами. Ничего, наверстает. Зимой все равно куда-либо переберется, где народу побольше. Нужно устраиваться, а то такая работа затягивает.

Поднявшись по деревянным ступеням, Леонид толкнул дверь лавки. Мелодично звякнули над головой металлические трубочки.

— Добрый день, — поздоровался он с хозяином лавки. — Мистер Скотт, у вас найдутся подходящие шнурки для моих ботинок?

— Какая длина? — Негоциант, крепкий лысый дядька лет пятидесяти, в фартуке и нарукавниках, достал из-под прилавка большую картонную коробку.

— Сейчас погляжу, — Ленька уселся на стул и начал разматывать уцелевший шнурок, — около метра, похоже.

— Ровно один ярд, или три фута. У меня такие только оливковые, а у тебя ботинки черные. Возьмешь?

— А какая мне разница? — удивился Леонид. — Перед кем форсить? Давайте три пары, чтобы запас был.

Перешнуровав ботинки и спрятав запасные шнурки в карман, парень снова подошел к прилавку.

— Как насчет патронов под мою винтовку? У вас остался русский стандарт? И «девять на восемнадцать пээм» вы мне обещали выписать. — Он облокотился на прилавок и стал рассматривать оружейную часть лавки.

— Леонид, ты бы купил винтовку под «триста восемь Винчестер», и проблемы бы пропали, — недовольно заметил Скотт. — И пистолет поменяй — такие патроны, кроме как в России, большая редкость. Вот, держи. — На прилавок брякнулся зеленый цинк с надписью «9 мм ПМ» и следом за ним — две прозрачные пластиковые упаковки с винтовочными, точнее, с пулеметными патронами. — Патроны новые, этого года. Пятьсот пистолетных, четыреста винтовочных. С тебя две сотни эю. Шнурки — бонус.

Панфилов расплатился, сложил все добро в плотные пластиковые пакеты и в который раз пожалел о запрете ездить в лагере на машинах. Теперь тащи все в палатку на себе. Получается весьма немало, однако.

— Погоди, — окликнул его продавец. — Тут вчера один путеец умудрился здорово проигратся в покер, несмотря на ограничение ставок. Приволок мне рево-

львер и леввер. Бразильский леввер, а револьвер американский, дабл-экшен. Может быть, поглядишь? Ты же в прошлый раз «Марлин» в руках крутил, отказался из-за стоимости.

Продавец повернулся и достал с полки револьвер в кобуре, пояс-патронташ и винтовку.

— «Ругер» и «Росси», не новые, но вполне рабочие, за все отдашь пятьсот эю. Калибр «триста пятьдесят семь», Демидовск его делает, проблем с патронами нет. Для антилоп этот райфл намного лучше, чем твой, мясо меньше портит. — Мистер Скотт передернул скобу, прицелился в расписную тарелку напротив. Придерживая большим пальцем, аккуратно спустил курок и положил винтовку на прилавок, подвинув к парню вместе с револьвером. Не, ну каков, а? Ленька в прошлый раз себя от покупки револьвера и леввера смог удержать только дороговизной нового американского оружия.

— Мистер Скотт, вы искуситель, — он опустил пакет с патронами на дощатый пол, — дайте погляжу. А пристрелять как, можно?

— Сходим вечером за лагерь, попробуешь. Но я тебе так скажу — это хорошие вещи! Бери, они и тебе служить будут, и внукам достанутся. — Продавец достал и положил на прилавок пачку патронов. — Полсотни патронов — бонус.

Леонид взял с прилавка кобуру с револьвером, вытащил его на свет божий. Когда-то зеленовато-полированный, а сейчас основательно потертый, с исцарапанной и вытертой черной резиновой рукоятью, револьвер все равно внушал надежность. Увесистый. Откинув барабан, он поглядел сквозь него на свет.

— Джим все вычистил перед продажей, нагара нет, — усмехнулся продавец. — «Ругер Джи Пи 100». Окраска была «сатин грин», длина ствола — четыре дюйма. Мне эти револьверы нравятся намного больше,

чем твой «стечкин». Ты почему его не носишь здесь, кстати?

— А для чего? Всегда с винтовкой хожу, плюс шесть запасных магазинов. Уже тяжело. Еще полуторакилограммовый пистолет таскать на поясе и четыре запасных магазина к нему? Это еще почти три килограмма будет. Нет уж, благодарю покорно. — Ленька усмехнулся и взял с прилавка винтовку. Несмотря на то что по весу она практически не уступала АВТ, выглядела намного изящнее. Массивный восьмигранный ствол переходил в вороненую ствольную коробку, ореховый приклад был элегантен, по-другому и не скажешь. Правда, винтовка была тоже здорово поношенной.

— «Росси 92 Октагон». Двадцать четыре дюйма ствол, двенадцать патронов в магазине, плюс один в стволе. Хорошая вещь. Была бы новой и сорок четвертого калибра, дешевле чем за тысячу эю не продавал бы. Если хочешь, можем и отстрелять, но прямо скажу — незачем. Джим хоть и стрелял из них прилично, но берег, да и сами по себе эти вещи очень тяжело сломать. Хорошая оружейная сталь, легких сплавов нет вообще.

— Хорошие вещички, на самом деле. Беру. — Парень махнул рукой и полез в карман за деньгами. Все-таки он очень любил иногда пострелять из винтовки, но из «токаревки» много в удовольствие не выходит, отдача очень внушительная. — Тогда еще пятьсот патронов к левверу и револьверу, пожалуйста. И это... тачки не найдется? На время. — Леонид поглядел на уже купленные патроны, затем на знойное марево за стенкой магазина. Тащить все это удовольствие на себе по здешнему солнцепеку — мазохизм.

— Тебе их вечером привезут, идет? — отсчитывая патронные пачки, сказал Скотт. — Вместе с винтовкой и револьвером.

— Идет. — Он поглядел на свои часы. Через пятнадцать минут к начальству. И на кой им понадобился Леонид Панфилов, интересно...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Добрый день, босс. Вызывали? — Панфилов вошел в прорабскую. Кроме прораба там были еще трое мастеров, в том числе и его начальник, Генрих Крауф.

— Да, Леонид. Завтра с утра сдашь свой погрузчик Майклу Хиггинсу, тому самому, с которым подрался на прошлой неделе. Ясно? — К нему повернулся прораб, Ральф Поплавски. Американский поляк; здесь, на Новой Земле — уже лет пятнадцать как. Строил «железку» от Порто-Франко до Нойехафена, а потом до Пекина, или, как здесь говорят, до Бейджина. И уже пятый сезон руководит этим участком.

— Понял, сдать погрузчик. — Леонид выпрямился, стараясь не показать, как его это задело. Ведь ни одного «залета» не было — напротив, пашет как вол...

— И красную каску тоже сдай. Получишь на складе белую и «матт», — усмехнулся прораб. — Я тебя не выгоняю, а повышаю в должности. Будешь мастером. Нечего было руководить ремонтом конвейера... да и еще по мелочи набирается. Так что поздравляю с повышением, надеюсь, что не пожалею об этом. Впрочем, если ты против, то можешь сидеть за рулем и рычагами погрузчика.

— Я попробую, мистер Поплавски, — может, Леонид и зря так делает, но дополнительно семь сотен лишними не бывают, — спасибо за доверие.

— Ты справишься, — вступил в разговор Крауф, до этого с интересом наблюдавший за происходящим. — Нечего было выпендриваться, вроде так у вас, русских, говорят? Инициатива имеет инициатора!

— Ха-ха-ха! — гулко рассмеялся Поплавски. — Тогда так. Генрих уходит на место начальника участка, будет подготавливать береговую зону, а ты, Леонид, идешь на его место. На твой погрузчик сядет Майкл Хиггинс: как я уже говорил, вы с ним знакомы. Смотри, — Поплавски ткнул пальцем в карту, — мы все дальше отходим от старых гравийных и песчаных карьеров. И теряем много времени, горючего и денег. Поэтому ты, вместе со своей бригадой, отправляешься разрабатывать новый, все равно ваш здорово истощился. Смотри, вот новое место. По мнению геологов, там отличные залежи гравия и крупного галечника. Задача твоя проста: за три дня вскрыть карьер и подготовить к отгрузке первую партию крупного гравия, а еще лучше — крупной гальки. Обязательно смотри, чтобы самосвалы могли свободно развернуться вместе с прицепами, хватит нам в этом сезоне двух опрокинутых грузовиков... Сьюзан, скоро там Зарубин появится? — рывкнул Поплавски в открытую дверь. — Это маркшейдер вашего карьера, во всем, что касается качества гравия, слушайся его беспрекословно, — опять обратился он к Леониду.

— Через пять минут, босс, — заглянув в контору, сообщила секретарь, средних лет крепкая, прожаренная солнцем брюнетка. Вообще-то красивая женщина и, по слухам, любовница Поплавски, — у него на складе склака с Шимлером.

Адам Шимлер, заведующий складами, — личность в компании очень известная, упоминаемая в основном с матерными эпитетами. Старается зажилить все, что можно. Но при этом у него всегда есть все, что необходимо в данный момент.

— Ясно, за пять минут не управятся. Тогда, Леонид, получай документацию, машину, оружие и готовь людей. Найдешь Виктора Зарубина сам, познакомишься, вместе с ним выезжаете на свой старый участок завтра в

четыре, загоняете тяжелую технику на трейлеры, экскаваторы цепляете за приданные на время грейдеры и потихоньку, аккуратно движетесь сюда. Дороги пока нет вообще, но место относительно проходимо для тяжелой техники. Грейдеры помогут тебе подготовить площадку, бульдозер пока не гоняй лишний раз. А потом грейдеры пойдут обратно, заодно подравнивая дорогу, чтобы грузовики могли двигаться хоть сколько-нибудь быстро. — Поплавски снова подошел к карте, указал на пересохшее русло километрах в сорока на северо-восток: — Здесь наша разведка нашла сухое русло, воды практически нет. И поосторожнее там, на новом месте. Лагерь делай с умом, посреди недели приеду, проверю. Да-да, пулемет вам тоже выдадут и пяток коробов с лентами. Все-таки новое место. Но если узнаю, что просто так патроны жжете, тройне вычту! С тебя лично!!! С вами отправят жилой вагончик и грузовик с припасами, все проверь внимательно. И самое главное — сразу поставь заправщик не менее чем в полусотне метров от стоянки техники и жилого вагончика. Убери всю траву вокруг заправщика, сделай навес. В первую очередь, ясно? Сейчас самый сухой сезон начинается, малейшая искра — и пожар. Вообще следи за курильщиками, большинство бед от них, а пожары в саванне — дело очень серьезное. Давай, мастер, работай. Время — деньги.

Леонид кивнул, попрощался и вышел.

— Мистер Панфилов, это ваше. — Сюзан протянула ему новенькую снежно-белую каску. — Удачи, Леонид!

— Спасибо, мисс Сюзан, — благодарно кивнул новоиспеченный мастер, — она мне понадобится. — И, сняв с крючка винтовку и разгрузку, пошел на улицу, срывая упаковку с каски.

Уже на улице Леонид оглядел поблескивающую обивку, снял с себя кепку и нацепил каску. Поморщив-

шись, снял, по максимуму ослабил пластиковые ремешки внутри нее и снова надел. На этот раз каска села как влитая. Покачав и покрутив головой, убедившись, что обновка сидит хорошо, Леонид открыл папку с документами. Достал новый бейджик с указанием должности, покрутил его в руках и решительно нацепил на рубашку. И так же решительно зашагал в сторону стоянки автомобилей для руководства. Нужно получить внедорожник MUTT, скоро истекает ограничение передвижения на автотранспорте внутри территории лагеря. Нечего пешком бегать по делам компании. Да еще нужно пояс с пистолетом надеть, не принято здесь начальству с одной винтовкой шарахаться, да и не очень удобно; придется ее в машине возить. И вперед, искать Зарубина. Вроде как Леонид его видел, но совсем не уверен. Впрочем, в этом весь Поплавски. Бросит в воду — и плавай как можешь. Если сумеешь — выплывешь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

27 год, 6 месяц, 3 число, среда, 20:21. Гравийный карьер «Глухомань»

— Тьфу, гадость! — Леонид еще раз прополоскал рот, сплюнул. Все равно такое ощущение, что полон рот песка. Уже полчаса, как завершающий на сегодня самосвал ушел, и техника почти вся встала на свои места, а до сих пор не проплевался. Леонид и подумать не мог, что столько пыли перепадает мастеру.

— Эй, мастер, ты скоро? — окликнул его из столовки под брезентовым навесом Майкл Хиггинс — тот самый парень, с которым он сцепился пару недель назад, один из немногих здесь темнокожих. Не очень любят негров в Техасе и Конфедерации. Но Хиггинс парень не просто темнокожий, он в свое время морпехом отслужил, так что для большинства здешних парней он — свой.

Кроме того, что Майкл на погрузчике работает, он еще сегодня дежурит по столовой. — Пробу снимай, а то скоро парни соберутся. Голодные.

— Сейчас, Майкл. Что там у тебя? — Панфилов подошел к длинному столу из грубых досок, который собрали здесь в понедельник.

— Макароны с тушеной говядиной, что еще? Хлеб свежий, кофе. Нужно овощи свежие заказать, хотя бы помидоры и лук. А то преснятина скоро надоест. — Негр торжественно вручил здоровенную ложку мастеру.

Панфилов заглянул в кастрюлю. Нормальные такие макароны по-флотски. И пахнут здорово.

— Фкушно, — с набитым ртом пробормотал Леонид. Проглотил, с сожалением поглядел на кастрюлю. Охота жрать, прямо скажем, но, пока все не соберутся, ужин не начнется, обычай в компании сложился еще в первый сезон. — Молодец, Майкл, хоть шефом тебя ставь. Но все равно, завтра буду требовать у Поплавски повара. Не выходит у нас одного мужика хотя бы часа на три от основной работы оторвать, а завтра вообще настоящее дело начнется. Не зря Зарубин в «Конец путей» с пробными грузовиками уехал.

— Хорошая галька? — поинтересовался повар, ставя на стол стопку пластиковых тарелок. Не одноразовых, а вполне себе серьезных, основательных. На Новой Земле до сих пор не было настолько мощной химической промышленности, чтобы позволить себе выбрасывать пластик в мусор. Даже пакеты до сих пор бумажные.

— Да, очень. Крупная, и в основном — гранит. Удивительно, ведь здесь практически равнина, горами эти сопки не назовешь. Но Виктор говорит, что это один из дальних отрогов тех самых Сьерра-Гранде.

— Тогда это по-настоящему далеко, до тех гор тысячи полторы километров на север. Ладно, Леонид, я звоню. — Майкл взял обрезок арматуры и подошел к рель-

су. Частые и звонкие удары разнеслись над темнеющим лагерем...

— Так, мужики, прошу слова. — Леонид подождал, пока сидящие за столом работяги наелись, и встал. Достал из-под стола литровую емкость с «Одинокой звездой», местным виски, передал ее сидящему рядом бульдозеристу: — Рома, разливай.

— Значит, так, джентльмены. Пока вы рассаживались, я связался с конторой. Галька и гравий, что мы сегодня отгрузили, признаны отменного качества. Поэтому завтра начинается полноценная отгрузка из нашего карьера. И Поплавски утвердил название, которое у нас сложилось: теперь это не просто точка на карте, а гравийно-галечный карьер «Глухомань». Завтра доставят еще три погрузчика и один бульдозер. Разумеется, технику приведут механизаторы, да и повар нам необходим, так что коллектив увеличится. Экскаваторов, к сожалению, нам не выделили, просто больше нет в наличии, придется обходиться двумя «хендаями». Но это в принципе несущественно, справимся. Так что с почином, мужики, и давайте выпьем. — Леонид поднял свой наполовину полный стакан, отсалютовав десятку молодых и не очень мужчин, сидящих с ним за столом. Те ответили тем же, и все дружно выпили.

Поздним вечером Леонид еще раз проверил тщательно выписанные распорядок рабочего дня, графики ночных дежурств и еще раз прошел по периметру ключей изгороди, освещая фонарем забетонированные в грунт столбы из старых труб. Потом начал вешать на вагончик доску объявлений с прикрепленными на нее распорядком и графиком дежурств.

— О, нацепил наконец, — неясно откуда нарисовался довольный Ромка. — Так, распорядок рабочего дня... С семи до одиннадцати — работа, потом до двенадцати — обед. Потом еще два часа работа, затем час сиесты. С пятнадцати до девятнадцати — снова работа.

Не, Лень, нет у тебя никакой фантазии, типовой расписание по компании написал. Ладно, что с тебя взять, ты еще мастер-новичок. Так, ночные... Тоже знакомо, с двадцати семи до нуля — первая смена, с нуля до трех — вторая, «собачья», с трех до шести — третья. В первую смену дежурят пока трое, во вторую — трое плюс мастер, в третью — трое плюс маркшейдер. Потом мастер с маркшейдером просто местами меняются, а смены идут по кругу. Нормально. — Ромка повернулся к мастеру. — Лень, а ты когда теперь по девкам ездить будешь? Ведь по воскресеньям здесь остаются только или мастер, или маркшейдер с одним из рабочих. Зарубин же женат и вроде как на выходные к семье ездит?

— Мы с ним уже договорились, и Виктор у Поплавски утвердил, — усмехнулся Леонид, — он вместо меня будет одну ночь дежурить в ночных сменах посреди недели, а я на эти ночи буду мотаться в «Конец путей» и там титьки мять. Все равно у Виктора работа в основном сидячая, да и ночные вахты для нас сам знаешь какие: сидим в вагончике и обходы делаем, чтобы не заснули постовые. А он в пятницу вечером — в лагерь, оттуда на мотресе до Шайенна, субботу проводит с женой и детьми, в воскресенье — сюда. А я еще и в субботу успею к мадам Эльзе заскочить, после отчета. Ладно, Ром, мне еще нужно список оружия и боеприпасов составить. Сам знаешь, Поплавски за каждую мелочь сношает. Я уже в этих литрах солярки, тоннах гальки и кубах гравия утопаю. За три дня написал бумаг больше, чем за всю свою рабочую жизнь.

У себя в комнатке Леонид еще раз проверил и переписал в блокнот модели и количество длинных стволов, которыми были вооружены его подчиненные и маркшейдер. Оказалось, что у них на руках одна АВТ-40, одна М14, один АКМС. Плюс два АКМ, два АК-74, три немецкие винтовки G3 и две американские М16А2. Еще в наличии имелся старый, шестьдесят пя-

того года выпуска, пулемет М60. Впрочем, количество и модели винтовок были только те, которые мужики постоянно носили с собой. Так что кроме левера Леонида на руках, точнее в вагончике, еще были две мошинки, три гражданских AR-10 разных калибров, пять дробовиков и личный ручник Хиггинса, его иракский трофей, советский РПК. И это не считая пистолетов; Леонид с усмешкой поглядел на спинку стула, где висел его пояс с АПС и подсумком на четыре запасных магазина. Вздохнув, нацепил его снова и вышел на обход. Сегодня ему придется с нуля не спать толком...

27 год, 6 месяц, 11 число, четверг, 14:22.

Карьер «Глухомань»

— Уф, здорово. — Леонид вышел из душевой кабины, перебросив полотенце через плечо. На другом висел пояс с АПС. — Хорошая штука — сиеста.

— Точно, — отозвался Хиггинс, сидящий на скамье и забросивший ноги на специально сделанную перекладину. Европейцы заставили янки ее сделать, чтобы ноги на стол не клали.

— Майкл, где это тебя так распахало? — Леонид с трудом отвел глаза от правой ноги Хиггинса. На бедре был страшный шрам. Такое впечатление, что в ногу граната взорвалась.

— Осколок от стадвадцатимиллиметровой мины. — Негр недовольно поглядел на свою ногу, встал и начал одеваться. — Словил, когда русские чеченцев за горы двигали.

— Ты как попал туда? — с удивлением спросил Ромка, сидящий напротив. — Там же РА воевала.

— Наняли по контракту, — усмехнулся бывший морпех. — Русские тогда около трех тысяч вояк со всего севера Залива наняли, на разовую акцию. Наша фирма давненько с русскими дела имела в Дагомее. И этот

контракт тоже выгодным показался. Кто же мог подумать, что такая мясорубка выйдет... Чеченцы подготовились, все свои лагеря в крепости превратили. У них в каждом лагере по паре «зет-ю-ту-фри» или «зет-пи-ю» было. Крупнокалиберные пулеметы, автоматические пушки, минометы, автоматические гранатометы, управляемые минные поля. Даже «стингеры» были. Чеченцы дрались как черти, зубами цеплялись за землю. Русские потеряли много своих плавающих танков, почти все штурмовики «Тукано», много вертолетов. Было множество погибших и раненых.

— Я это читал, — Леонид сел за стол с кружкой холодного кофе и куском жареной антилопятины на горбушке, которые ему подал Самвел, повар, — там вроде много реплик Второй мировой у наших было.

— Да, — Майкл усмехнулся, — русские взяли их из своей летной школы, и летали на них курсанты. Благо «стингеры» у чеченцев уже закончились. Кроме того, русские подняли в воздух вообще все, что могло летать: «Каталины» с западного побережья, транспортные «Дугласы», бипланы — все. Демидовские заводы наладили за неделю позиционных боев переделку шестидюймовых снарядов в авиабомбы, кроме того, начали выпуск тысячефунтовых бомб, даже часть корпусов для бомб собирали из досок, в мастерских, где бочки делали. Сколько они тротила и напалма на это дело пустили — не знаю, но очень много. Су-2 делали налеты на укрепления звеньями по шесть машин: швырнут бомбы — и снова за очередной порцией. И так волна за волной. От лагерей остался лунный пейзаж через пять дней. «Каталины» топили корабли, которые пытались доставить подкрепление, «Дугласы», переделанные в ганшипсы, кружили над перевалами. Через неделю мы практически очистили предгорья, и тут наш взвод попал в засаду. Пятью выстрелами из миномета убило и ранило больше половины из нас, и меня в том числе.

Оставшиеся парни окружили и расстреляли расчет миномета и пяток пехотинцев и потащили раненых и погибших к реке. Оттуда на барже до Демидовска, и на пять месяцев — в госпиталь. С тех пор я ушел на погрузчик.

— А откуда чеченцы узнали про готовившуюся операцию? — Леонид поглядел на часы. Ничего, еще время есть до возобновления работы.

— Им продали информацию бывшие чиновники из Московского протектората, потерявшие власть. Русские искали их по всей Новой Земле. Трех нашли в Евросоюзе, одного выдали из Сиона. После трибунала их всех повесили в Москве. Здесь, на этой земле, очень не любят предателей, — ответил вместо Майкла Боб Ронсон, один из экскаваторщиков. — Сегодня они предали русских, завтра продадут других. Мы скорее поверим честному врагу, чем таким.

— Та бойня закончилась после того, как русские сбросили со своих Ан-12 объемно-детонирующие авиабомбы на скопления отступающих через перевалы войск. Сколько народу они угробили в этот момент, никто не знает. Но очень много. Самый крупный конфликт в истории Новой Земли, — покачал головой мистер Хоккинс, седой ирландец, работающий в бригаде и мотористом, и вообще мастером на все руки. Имени его Леонид не знал, и вроде как в бригаде никто не знает. Так и обращался Леонид к нему, когда помогал — например, как сегодня, когда тянул гайки: «Мистер Хоккинс, ключ на двадцать семь, пожалуйста». — Но возмездие было справедливым. Никто не имеет права заниматься разбоем и жить убийствами. Каждому воздадут по делам его.

— Так, джентльмены, осталось шесть минут до окончания сiestы. — Леонид еще раз поглядел на часы. — Готовимся к продолжению работы, машины к нам уже вышли.

ГЛАВА ПЯТАЯ

27 год, 6 месяц, 15 число, понедельник, 16:17.

Карьер «Глухомань»

— Мастер — второму бульдозеру! Леонид, внимание, ответь! — ожила рация в стареньком, выдавшем виды внедорожнике MUTT M825. Леонид, до этого разговаривавший с ожидающим своей очереди на погрузку Володей Карповым, водилой самосвала, отвлекся от обсуждения девочек мадам Эльзы и подошел к своей машине.

— Второй — мастеру. Что случилось? Прием. — Все еще посмеивающийся парень поглядел на Карпова. Тот обвел руками в воздухе очень фигуристый силуэт и показал большой палец.

— Лень, тут такое... не знаю даже, как сказать. — Роман, который должен был начать вскрытие следующей траншеи вверх по руслу, от волнения даже слов подобрать не мог. — Тут такое... приезжай, короче.

— Ром, что там у тебя, ты цел? В технике что-то полетело? — Леонид начал волноваться и отмахнулся от жестикулирующего водилы. Переждал рев газанувшего погрузчика и продолжил: — Я срочно выезжаю!

— Не надо сильно срочно, Лень. Тут уже дело такое, неторопливое. Никто уже никуда не торопится. — Ромка на том конце помолчал. — Тут пикап со скелетами стоит...

— Твою душу! — Леонид потрясенно выругался. Возле русла, под большим деревом, стояла красная, сильно грязная машина с серебристым прицепом, похожим на каплю. Высокая трава закрывала машину по пояс. Когда-то яркий, с множеством хрома «Форд F250» стоял на вросших в землю массивных колесах. Что удивительно, шины сильно не спустили, просто за много лет погрузились в землю наполовину. С левой стороны пикапа на дверцах — следы пулевых отвер-

стей. Одно окно наполовину выбито, во втором же — ни одного отверстия, все пули пришились в железо. Справа, с противоположной стороны, наоборот, выбито окно в задней дверце: видимо, стреляли под углом к машине. От пробоин в дверях вниз шли тонкие потеки ржавчины: когда хлещущие зимние дожди переполняли машину, пропитанная ржой вода текла наружу.

— Твою душу, — уже спокойнее повторил мастер и заглянул в разбитое окно. — Точно, им спешить уже некуда.

Внутри, все еще пристегнутые ремнями, сидели четыре скелета в истлевшей одежде. Точнее, сидели два, на заднем сиденье скелеты лежали. Лежавшие были заметно меньше: видимо, дети.

— Второй погрузчик — мастеру. — Леонид задумчиво почесал тангентой за ухом, натянув витой шнур. — Майкл, хелло!

— Мастер — второму. На связи, прием, — ответил динамик голосом заинтересованного негра. Еще бы, переговоры Романа и Леонида весь лагерь слышал по своим «Аланам-соткам».

— Майкл, двигай к новой разработке. Отбуксируешь машину к вагончику. Только нужно поставить за колючей проволокой, все равно придется могилы копать. На экспертизу ведь никто их в Форт Ли не повезет. — Леонид поглядел в сторону «форда» и достал из «матта» большую саперную лопату. — Ром, а ты давай работать начинай. Нечего время терять, время — деньги. — И начал откапывать колеса автомобиля. А то Майкл как рванет, так и пообрывает все вдребезги и пополам.

Через полчаса мастер уже отцеплял от погрузчика пикап с косо сидящим прицепом. Одно колесо у прицепа оказалось стерто до покореженного обода, видимо, прострелили, и F250 тащил прицеп уже со спущен-

ным колесом, дури у пикапа для этого дела вполне хватает.

— Ладно, мужики, — работать. После окончания смены вместе разберем, а я пока документы поищу. — Леонид шуганул зевак по рабочим местам. Самому интересно, что в машине, но дело — прежде всего.

Убедившись, что мужики, оглядываясь, разошлись по своим местам и в карьере снова началась работа, Леонид попробовал открыть переднюю дверь. К его удивлению, она с трудом, но поддавалась.

— Надо же, уже не пахнет почти. — Самвел, оставшийся помогать под предлогом, что ужин будет вовремя, принялся. — Сколько же времени прошло?

— Много, Самвел. Ты принеси полиэтиленовую пленку, у тебя же рулон лежит где-то... Не стоит на землю класть. — Леонид подошел к своему вездеходу и вытащил из бардачка пару тонких спилковых перчаток. Дело предстоит не то чтобы грязное, но негигиеничное.

Через полчаса поверх расстеленной на земле плотной пленки лежали тела. Неподалеку от них положены два основательно поржавевших снаружи, но вполне «живых» АКМ, советских. Только вот Леонид был уверен процентов на девяносто, что они не с базы «Россия». Там же лежали два пистолета, один — «Глок 17», второй — «Кольт 1911». Пистолеты от ржавчины вообще не пострадали, были добротнo ухожены еще при жизни владельцев и хорошо смазаны. Разгрузки с тел взрослых лежали там же, а вот гранаты подорвали далеко за лагерем, от греха подальше. Леонид сам подрывал, в гранатах были ввернуты уже заржавевшие запалы. Отнес их в коробке с песком подальше, с шевелящимися от страха волосами, поставил коробку в ямку, туда же положил две стограммовых толовых шашки демидовского производства. В одной шашке был вставлен запал с длинным бикфордовым шнуром, который Леонид запалил и свалил в лагерь, да побыстрее. Через

три минуты грохнуло, вверх взметнулись пыль, трава и куски коробки.

— Роберт Джефферсон, Линда Джефферсон, Рэйчел Джефферсон, Элизабет Джефферсон, — перебирал Леонид пластиковые Ай-Ди. Потом снова взял бумажник хозяина. В пластиковых окошках были фотографии когда-то веселой и жизнерадостной семьи. Плотный загорелый блондин в ковбойской белой шляпе, красивая ярко-рыжая женщина, две такие же рыженькие девчонки, весело и задорно смеющиеся. Видимо, хохотушки при жизни были. — «Девочкам же лет по десять было, не больше. Жаль, не получится тех бандитов поймать, что это сотворили. Развешать бы их на деревьях...» Ленька как-то смотрел старую документальную запись, еще черно-белую, о казни старосты и полицая с освобожденных от фашистских оккупантов белорусских земель. И его тогда здорово удивила лютая ненависть в глазах односельчан этих двух уже немолодых мужиков, грузно повисших на закачавшихся заснеженных березах. Так вот сейчас он испытывал нечто вроде этого. Такую ненависть Ленька ощущал всего пару раз в жизни.

Леонид примерно понял уже, что произошло, для этого Шерлоком Холмсом не надо быть. Машина попала в засаду, скорее всего — в составе одного из многочисленных ранее конвоев. Водитель был ранен, запаниковал, рванул куда глаза глядят. Ехал, пока были силы, потом умер. А пассажиры или погибли сразу, или тоже скончались от ран.

— Зато теперь ты понял, почему у нас, в Техасе и Конфедерации, русским простят очень многое, — прогудел один из шоферов. — Когда они закрыли ту чертову дырку, Угол, здесь вздохнули намного свободнее. Сейчас про бандитов практически забыли, нападений на караваны уже года два нет вообще.